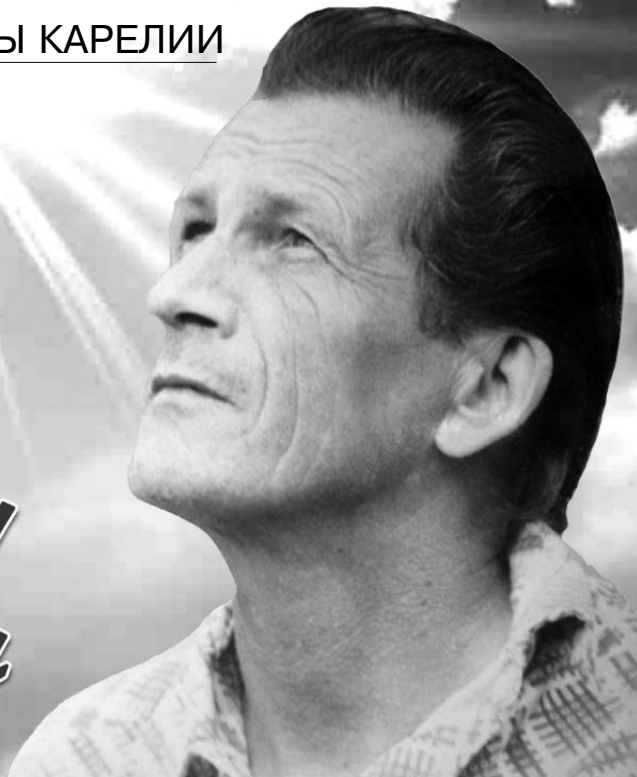

Армас МИШИН

г. Петрозаводск

К сердцу человека

С поэтом своего поколения **Рейё Такала** (18.07.1931–19.12.1989) я познакомился в 1954 году на заседании литературного объединения в редакции молодежной газеты «Комсомолец». Вел заседание руководитель объединения поэт Владимир Морозов, пригласивший меня на это заседание. Представляя членам литобъединения новичка, Морозов прочитал мою пародию на стихотворение Рейё Такала «Учительница», посланное мной из Пудожа незадолго до окончания педагогического училища. Стихотворение Рейё напоминало несколькими строчками стихи М. Исаковского. Вот я и констатировал этот факт. Все рассмеялись, в том числе и герой моей пародии. С тех пор у нас и сложились добрые дружеские отношения.

Рейё Такала после окончания Петрозаводского музыкального училища работал в музыкальном отделе публичной (ныне – национальной) библиотеки, и я приходил к нему в его отдел, пока он там работал. Говорили о новинках поэзии, поступавших в библиотеку, искали забавные рифмы на случайные слова, показывали друг другу свои стихи. Мы ведь с ним напечатались в одном и том же журнале «На рубеже» («Север») в 1954 году, а вообще он начал публиковаться в газетах гораздо раньше. Стихи Рейё отличались своей музыкальностью, и уже в те годы некоторые из них были положены на музыку композитором Николаем Мишуковым. В

молодежной среде популярностью пользовались его романтические по духу стихи: «Мальчишка», «Речка», «Родник», «Колкие полуночные звезды». Он любил их читать на встречах со школьниками.

Первую книгу «Сердце человека» поэт выпустил в 1962 году. Так уж получилось, что я на этот раз опередил его на год: моя книжка «В дорогу» вышла в 1961 году. Поэтому он сделал такую надпись по-фински на подаренной мне книге (она, по-моему, многое говорит о его поэзии): «Ты уже нашел свое дорогу... Я иду вслед за тобой и кричу от всего сердца: «Да здравствует Сердце Человека!» Стихотворение «Партии», которым он открывал свой сборник, поэт никогда нигде не читал. Он всего лишь спасал книжку. Ведь даже Владимир Морозов вынужден был поставить в начало своего сборника «Стихи о настоящем» (1957) стихотворение с тем же названием. Мы с поэтом Иваном Костиным, выпускавшие свои первые книжки, были избавлены от такого рода признаний в любви к партии, потому что писали о самом классе-гегемоне. Иван, работавший токарем на домостроительном комбинате, сборник «Полет» (1962) открыл «Стальным зеркалом», а я «Тремя спецовками», поскольку моя мать работала там же зольщицей. В предисловии к «Антологии карельской поэзии» (1963), где были напечатаны наши стихи (Рейё представлен стихотворением «Родник») о нас с Костиным даже было сказа-

но следующее: «Интересно пишут о жизни советских рабочих Иван Костин и Олег Мишин. Молодые поэты видят в рабочих не только мастеров той или иной фабричной профессии, но и людей большой духовной жизни, широкого умственного кругозора и интеллекта».

У Рейё Вяйновича Такала совсем не рабочая родословная. Отец поэта в 1930-х годах работал преподавателем педагогического техникума, а до ареста трудился редактором финноязычного издательства «Кирия». Мать была актрисой Финского театра. Рейё мало рассказывал о своем отце. Только в стихотворении «Матери» дает намек на трагическое прошлое:

*Мы жили двое.
Трудно было.
И в этом не твоя вина:
Из-за опушки леса была
Прямой наводкою война.*

Но память-боль жила с ним всегда. Однажды в ресторане поезда, везущего нас в Мурманск на Дни культуры Карелии, кто-то задел имя его отца. Я увидел, как Рейё, человек, казавшийся мне всегда корректным и выдержанным, вскочил в ярости. Конфликт погасили пассажиры, сидевшие с ним рядом за одним столом.

В своей поэме «Поэты» («На российском ветру», 2000) я посвятил немало строк Рейё Такале и судьбе его отца. В варианте, напечатанном в газете «Ленинская правда» 18 июля 1991 года, в день рождения поэта, есть такие строки:

*Документ об отцовской кончине
Ты не видел. Но видеть хотел.
В нем указана смерти причина
Словом жутким и резким: «расстрел».*

*Дочь твоя ожидала ответа,
И пришел через годы ответ...
Это слово убило б поэта,
Если б раньше не умер поэт.*

Кроме сборника «Сердце человека» Р. Такала опубликовал еще три стихотворных книжки на русском языке: «В поисках Сампо» (1966), «Теплый дождь» (1973), «У твоего причала» (1982). Романтический дух пронизывает и эти сборники. Герои «Калевалы», Лённрот, еще не признанный никем, ветераны Отечественной войны, современные люди труда, осваивающие суровый Север, природа Карелии находят достойное место в его стихах. А стихи Р. Такала легко узнаваемы по тщательной отделке

строф, по точным рифмам и энергии чуть ли не каждой строки. «То, что станет строкой», он подслушивал у самой природы. Сегодняшним молодым поэтам есть чему у него учиться.

Когда-то мы дали с Рейё слово писать стихи и на родном, финском, языке. И слово свое сдержали. Первую финноязычную книжку Такала опубликовал в 1979 году. Она называлась «Ухутсаари» («Uhutsaari»). Карельская «география» ему была близка всегда. Детство его прошло на берегу реки Ухут в доме бабушки Йоуки Хямяляйнен, известной сказительницы. К сожалению, вторая книга «Из весны в осень» («Keväästä syksyyn») вышла уже после кончины поэта в 1990 году.

Рейё Такала много занимался переводами на русский язык. Его переводы стихов Ялмари Виртанена, Леа Хело (Тобиас Гуттари), Николая Лайне, Яакко Ругоева, Тайсто Сумманена также отличались крепостью стиха. В то же время они близки оригиналам, хотя на каждом из них, конечно же, лежит печать поэта Такала.

Летом 1990 года по линии Бюро пропаганды при Союзе писателей Карелии в группе, которой руководил поэт Эрик Тулин, Рейё Такала и я с женой, Ольгой Мишиной, ездили в Астрахань. Провели многочисленные выступления в Астраханской области, выходили на катере в море, встречались с рыбаками на Волге. Домой возвращались на самолете. Ничто не говорило о том, что вскоре Рейё не станет.

Отзываясь о творчестве Р. Такала, современный исследователь карельской литературы Елена Маркова подчеркивает, что поэт декларировал «присутствие элемента «чуда» в обыкновенной жизни, радостное осознание его необходимости, стремление к его постижению» уже в названии одного из сборников – «В поисках Сампо». Вот всего один пример справедливости этих слов:

*Когда душою пуст,
не трогают тебя
ни порыжелый куст
на склоне сентября,
ни журавлиный крик
над сумрачностью рек,
ни выпавший на миг,
как бы случайный снег.
Когда ж, наоборот,
душа чутка твоя,
увидишь мысли взлет
и в капле бытия.
И, голову склонив
над хрупким стебельком,
услышишь в нем мотив,
что лишь тебе знаком.*

Рейё Такала

*«Жизнь создала
его не наспех...»*

КАРЕЛИЯ

На соснах отблески заката,
Необъяснимые тона.
Ты для меня всегда загадка,
Моя родная сторона.
Читаю зорь твоих страницы
И начитаться не могу.
Горят над скалами зарницы
На отдаленном берегу.
А рядом, звонкий и могучий,
Шумит раскованно Кивач.
И ель, как бы сорвавшись с кручи,
Не устает ему кивать.
Здесь все мне дорого и мило.
Я весь во власти красоты.
Стою над крутизной,

а мимо

Река несет неутомимо
Разносюжетные холсты.
Июльский вечер на исходе.
Лес залит светом —

стань, замри!

Как будто этот свет исходит
Откуда-то из-под земли.
Прогромыхал московский поезд —
И снова я уже в пути.
...Ты и загадка, ты и поиск,
И песня та, что впереди.

РЕЧКА

Речка...
Неказистая на вид,
С окуневой заводью глубокой.
Лилиями белыми обвит,
Как руками, камень крутобокий.

Низкая и гибкая трава,
Копошится выводок утиный.
И слабеет неба синева,
Мутной заволакиваясь тиной.
Блеск воды прозрачно-голубой
Привлекает стайки камнешарок.
Лес и тот пришел на водопой —
День безветрен и на редкость жарок.

В хвойной чаще,
В зарослях — покой,
Вьется речка змейкой голубую,
Видимо, довольная такой
Тихой и бесхитростной судьбою.

...Где-то море гулко и хмельно,
Волны круче,
Ветер вдвое резче...
Море...
Что бы делало оно
Без таких вот безымянных речек!

КАМНИ

«Бараньи лбы», морщинистые камни,
И каждый пылью времени пропах,
Они лежат вокруг, издалека мне
Напоминая древних черепах.

Я трогаю ладонью осторожной
Их серые шершавые бока,
А в небе над сумятицей дорожной
Тяжелые проходят облака.

...Летят они над синевой залива,
И путь их бесконечен и высок,
И камни вслед им смотрят молчаливо
И глубже зарываются в песок.

АЙНО

Б. А. Шмидту

Упало в воду солнце
И растеклось кругами,
И зашумели сосны
За речкой на кургане.

И зазвенели струи
В густой тиши вечерней,
Как будто лег на струны
Смычок виолончели.

Заколыхалось небо,
В воде смешались краски.
И месяц всплыл, как нерпа,
Из бородатой сказки.

Все ожило, запело.
Покой лесной нарушен.
Ежиха засопела
И вылезла наружу

Из-под мохнатой елки,
Сердитая такая,
На острые иголки
Росинки натыкая.

Светло необычайно.
Случилось что — не знаю.
А просто — вышла Айно,
Красавица лесная.

Взгляд обронила в воду,
Звезду в ладонь поймала.
Такой не видел сроду,
Хоть исходил немало.

Глаза твои — что звезды...
Их так легко обидеть.
Я прожил эти версты,
Чтобы тебя увидеть.

И вот стою я снова
У твоего причала.
Скажи мне только слово —
Я жизнь начну сначала.

АЙСБЕРГ

Жизнь создала его не наспех.
Работою увлечена,
Как скульптор ревностный,
она
Из холода лепила айсберг.
Снискав особое доверье
Неведомо какой ценой,
Сновали ветры-подмастерья
Вокруг громады ледяной.
И ночи напролет
Они обтачивали лед.
И вот, сверкая синевой,
Сквозным ветрам подставив грудь,
Он вскинул парус над собою
И двинулся в далекий путь.
Над ним кружили альбатросы
И с криком падали на лед,
И, как заправские матросы,
Прохаживались взад-вперед.
А он все шел за милей милю,
Величественный, потому,
Что не было, пожалуй, в мире
Другого, равного ему.
Так думал он.

Но как-то ночью
Разбушевался океан
И звезды, словно многоточья,
Вдруг высыпали сквозь туман.
Они все явственней —
и вот,

Как призрак, вырос пароход.
Огромный,
белый, словно полдень,
Огнями броскими слепа,
Он шел на айсберг полным ходом,
Вполне уверовав в себя.
В иллюминаторы и люки
Врывался волн и ветер джаз.
В каютах крепко спали люди,
От дум вчерашних отрешась.
Откуда взялся он, откуда?
Встал на дороге почему?
Качался айсберг,
плыло чудо
назло всему, назло ему.
Огни взлетали к самым тучам.
На айсберг мчался склянок звон.
Тогда, соперничеством мучим,
Стал разворачиваться он...
А люди спали крепким сном,
Спокойным сном,
последним сном...
...Подшиты старые газеты.
Забыта боль былых утрат.
Но айсберг и поныне где-то
Встречает солнце по утрам.
С ним дружат ветры и туманы.
В его груди внезапность гроз.
Смотрите в оба, капитаны, —
Кричит тревожно альбатрос.

ДОРОГА

Вот и лето отцвело,
 Снова осень у порога.
 Но, как прежде, за село
 Убегает вдаль дорога.

Мимо поля за рекой,
 Мимо скошенного луга,
 Где березка день-деньской
 Ждет потерянного друга.

Где тропинкой луговой
 Наше детство пробежало,
 Где я встретился с тобой,
 Где меня ты провожала...

Эх, дорога – пеший путь!
 Ты по чьей бежишь указке?
 Нет, чтоб влево повернуть,
 Как бывало в детской сказке.

Все бежишь ты день-деньской,
 В далеке манящем тая,
 Мимо поля за рекой,
 Мимо девушки одной,
 О которой я мечтаю.

* * *

Колкие полуночные звезды
 Бросил месяц сверху в Кемь-реку.
 Я по ним отсчитываю версты
 К твоему окошку-огоньку.

Отцветет, угомонится лето.
 Отслужу и в край родной вернусь.
 Но к тебе, как прежде, в час рассвета
 Я теперь уже не постучусь.

А войду размашисто и веско,
 Кашляну по-дедовски в кулак:
 Мол, я слышал, в доме есть невеста,
 Не женат я, так-то, мол, и так...

Ахнет мать,
 Пойдет,
 Засуетится:
 – Батюшки,
 Да как же это вдруг?
 Чашку – к счастью,
 Так ведь говорится? –
 Непременно выронит из рук.

А тебя расспрашивать не стану.
 Что ждала меня –
 Увижу сам
 По твоим немножечко усталым,
 По твоим улыбчивым глазам.

СОСНА

Ноздреватых скал громады,
 Ствол надтреснутой сосны.
 И в коре кусок гранаты
 Со времен былой войны.

Я стою на сером камне
 И, волненья не тая,
 Чутко трогаю руками
 Стали рваные края.

Что случилось здесь –
 не знаю,

Рассказать я не смогу.
 И молчит сосна,
 роняя,
 Словно капли слез,
 смолу.

* * *

Пахнуло холодом колючим.
 Нескошенным остался луг.
 Все реже слышен скрип уключин,
 Рыбацкого мотора стук.
 Осины, словно новобранцы.
 Стыдясь остриженных голов,
 Никак не могут разобраться
 В нехитрой четкости рядов.
 А ветер
 то листву разгонит,
 То, захлебнувшись высотой,
 Пришпорит облако, как конник,
 Промчась галопом над водой.

БОГИ РОПЩУТ

Он доведен до белого каленья.
Покинув свой заоблачный чертог,
Катает шумно по небу камень
Всесильный Укко, Калевалы бог.

Бросает оземь копья золотые,
Расколота на части ширь небес.
И, кроны разметав густые,
Качается под молниями лес.

Но кто-то продирается сквозь ливень,
Поет рожок на дальнем берегу.
То храбрый Лемминкяйнен торопливо
Выхватывает стрелы на бегу.

А гром грохочет. Укко жаждет мщенья,
Не знает гнев всевышнего границ,
И чтоб за Лемпи вымолить прощенье,
Пред богом калевалыцы пали ниц...

Натянут лук. И вот отсюда, сбоку,
Из-за крутой скалы взлетит стрела:
Умрет олень, но не в угоду богу –
Накормит Лемминкяйнен полсела.

Он из-за пояса хватается пукко,
И зверь священный замирает вдруг...
Пускай беснуется всесильный Укко
И выпускает молнии из рук.

* * *

Над Кедрозером дождь и тишина.
И женщина, промокшая до нитки,
Невесело смеется у калитки –
Чужая разведенная жена.
Прощаемся. Уходим. Навсегда.
Из полночи. Затем,
Чтоб слиться с полднем.

Ту женщину, как добрые года,
Иль раз, иль два,
А может, чаще вспомним.

Накрытый стол, скатерки полотно,
Хозяйкин взгляд
Доверчиво открытый,
Не утешенья ждущий, не защиты,
А теплых слов, не слышанных давно.
Но мы уходим в зябкий листопад,
Топорща непромокшие накидки.
И я невольно оглянусь назад
На стылую фигуру у калитки.
Неторопливо женщина уйдет
И на крыльцо поднимется с тропинки.
Смахнет с ресниц горячие дождинки,
А в сердце что-то вспыхнет и замрет...

СИБЕЛИУС*Ройне Раутио*

Он ушел от суетного света,
Поселившись в милой стороне,
Чтоб постичь симфонию рассвета
В золотой сосновой тишине.
Айнола – усадьба в стиле старом,
Анфилада комнат и рояль.
На лице хозяина усталом
Чутко обозначена печаль...
А рассвет белесый и типичный
Для неброской северной земли.

И звучит в тиши концерт скрипичный,
Словно продолжение той зари,
Что в окно стучится листопадом,
Дробью барабанною дождей.
И шагает слава где-то рядом
По брусчатке старых площадей...
Он еще вернется к вам в салоны,
Господа, ценители искусств,
Но вернется не юнцом зеленым,
Не познавшим вдохновенья вкус.
А вернется как большой маэстро
Маленькой Суоми,
и тогда
Мир услышит мощь его оркестра
И признает гений навсегда.